

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Андрей
Платонов**

Ученик лицея

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Андрей Платонов

Ученик лицея

«ФТМ»

1974

Платонов А. П.

Ученик лицея / А. П. Платонов — «ФТМ», 1974 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

ISBN 978-5-4467-3139-8

Пьеса, написанная в беллетризованной форме на основе документальных источников, доступных писателю в 1940-е годы, оживляет Пушкина-лицеиста и дает ощущение, что дети XIX века не очень сильно отличались от их ровесников века 20-го, а теперь уже и 21-го. Приезжая из лицея на побывку домой, Саша, вопреки обидам родственников, сразу рвется в людскую – повидаться с любимой няней и, по-детски бунтуя против классовой несправедливости, демонстративно обедает вместе с крепостными – хлебает похлебку с черствым хлебом. Арина Родионовна не может наглядеться на своего любимца и словно провидица, предчувствует его судьбу, великое предназначение.

ISBN 978-5-4467-3139-8

© Платонов А. П., 1974
© ФТМ, 1974

Содержание

Действующие лица	5
Первое действие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Платонов
Ученик лицея
Пьеса в пяти действиях

Действующие лица

Пушкин Александр, поэт, ученик Лицея.
Арина Родионовна, няня поэта.
Василий Львович Пушкин, дядя поэта.
Ольга Сергеевна, сестра поэта.
Чаадаев Петр Яковлевич, друг Александра, гвардейский офицер.
Жуковский Василий Андреевич.
Даша, крепостная девушка в людской Ольги Сергеевны.
Маша, крепостная девушка в людской Ольги Сергеевны.
Пушин Иван, друг Александра, ученик Лицея.
Кюхельбекер Вильгельм, друг Александра, ученик Лицея.
Дельвиг Антон, друг Александра, ученик Лицея.
Энгельгардт Егор Антонович, директор Лицея.
Карамзина Екатерина Андреевна.
Державин Гаврила Романович.
Петров Захарий, гвардейский офицер, адъютант коменданта Царского Села.
Фекла.
Фома, сторож в Лицее.
Посол датского короля.
Знатная дама с усами.
Музыкант со скрипкой.
Варсонофьев, офицер.
Лакей в доме Ольги Сергеевны.
1-й преподаватель в Лицее.
2-й преподаватель в Лицее.
Генерал Савостьянов Геннадий Петрович.
Разумовский, министр просвещения.
Ямщик Кузьма.
Конвойный солдат.
Кухарка в доме Ольги Сергеевны.
Публика на экзамене в Лицее.

Первое действие

Людское помещение в доме сестры Пушкина, Ольги Сергеевны, в Петербурге. Убранство простое, почти крестьянское, как в русской избе, и по этой причине уютное и милое.

Стоит зима; окошко в морозном узоре; за окошком метель. Дверь, выходящая в сени, заиндевела.

*Старая няня Ольги и Александра Пушкиных, **Арина Родионовна**, сидит на скамье, дремлет и вяжет: «И медлят поминутно спицы в ее наморщенных руках». Возле няни сидит **Маша**, отроковица-подросток, живущая в доме Ольги Сергеевны; рот ее открыт, большие глаза ее серьезны, печальны и внимательны, она точно прислушивается. И в самом деле: слышно дыхание метели за окном, а издали, из внутренних покоев, слышатся человеческие голоса и звуки музыки. В доме Ольги Сергеевны семейное торжество: день рождения хозяйки. В доме, должно быть, гости.*

И няня, Арина Родионовна, прислушивается; потом, зевнув, крестит рот и опять медленно вяжет спицами, словно бы дремля, а на самом деле бодрствуя и понимая все, что совершается вокруг, вблизи и вдали.

*Со двора входит **Даша** (она чуть старше Маши), черная кухарка, с вязанкой дров; она бросает дрова на пол возле русской печи.*

Арина Родионовна (*Даше*). Чего ты так – ногами шумаркаешь, дровами гремишь: все броском да рывком!

Даша. А чего, бабушка? Я ничего!

Арина Родионовна. Полы-то крашеные, господа за них деньги платили, а ты их обиваешь.

Даша. Я больше, бабушка, не буду.

Арина Родионовна. Не надо, умница.

Даша. Не буду, бабушка, я тихо буду.

Арина Родионовна. Да, то-то! А то как же!

Маша. Дашка, засвети огонь в печи. На дворе люто.

Арина Родионовна. И то, Даша. Ишь, студено стало.

Даша. Сейчас, бабушка, я сейчас, – я втупор же печь засвечу.

Маша. Огонь ведь добрый, он горит! Я его люблю!

Даша заправляет русскую печь березовой корой и запаливает ее огнем. Кора вспыхивает, свет из печи играет на полу, на стенах, отсвечивает на потолке, – людское жилище преображается, как в волшебстве.

Из господских горниц явственно доносится музыка – вальс, простая мелодия восемнадцатого века.

Даша снимает валенки, остается босая и оттопывает такт вальса большими ногами, вольно размахивая руками.

Маша. И я хочу! И я хочу так топать и руками махать!

Арина Родионовна. А чего же! Встань да спляши!

Маша. А я боюсь! Мне стыдно, бабушка!

Арина Родионовна. Кого тебе стыдно-то? Господ тут нету. Я тут с тобою. Не бойся никого, чего ты...

Маша. А я ведь дурочка!

Арина Родионовна (*поглаживая головку Маши*). Кто тебе сказывал так, сиротка моя, – души у того нету.

Маша. Люди, бабушка, говорят. Они знают.

Арина Родионовна. Люди говорят... А чего они знают? Они сами по слуху да по испугу живут. Ты погляди-ка на батюшку, на ангела нашего Александра Сергеевича: разумный да резвый, и славный какой, и ничего как есть не боится, – как только земля его держит! – Господи, сохрани и помилуй его, сколь страху за него я терплю!

Маша. А ты любишь его, бабушка?

Арина Родионовна. И-и, детка моя милая: усну – забуду, усну – забуду... Я и живу-то одной памятью по нем да лаской его. Хоть он и при матери своей рос, да не близко, а у меня-то возле самого сердца вырос: вон где такое!

Маша. И я его люблю!

Даша. И я!

Арина Родионовна (как бы про себя). И вы, и вы!.. Все вы его любите, да кто его бережет!.. Вам-то он в утешение, а мне – в заботу...

Маша. И мне в заботу! (Она живо, с улыбкой на лице, спрыгивает со скамьи.) Я ему огня нарву, он цветы любит! (Она пытается сорвать отраженный свет из печи, волнующийся на полу и на стене; ей это не удается, она видит – руки ее пустые; тогда Маша бросается в устье русской печи, хватая там руками огонь, вскрикивает от боли, выскакивает обратно и мечется посреди людской.) Огонь, огонь! Стань добрый, стань добрый, стань цветочком! Я сгорю – не мучай меня!

Даша берет деревянную бадейку с водой и враз окатывает Машу.

Даша. Ништо, небось потухнешь.

Арина Родионовна. Аль вовсе сдурели! Дашка, потри ей ледышкой жженые пальцы, боль и пройдет, да одежду сухую надень на нее, – глянь-ко, за печью висит. Эка резвые да бедовые какие!

Даша босиком выметывается за дверь за ледышкой, сейчас же возвращается обратно и уводит Машу с собою за печь.

*Отворяется дверь, что ведет в господские горницы, появляется **Василий Львович Пушкин**, дядя Александра.*

У него книга под мышкой.

Василий Львович (к Арине Родионовне). А где же, где тут, где, – где юноша-мудрец, питомец нег и Аполлона?

Арина Родионовна (вставая и кланяясь в пояс). А никого тут нетути, батюшка Василий Львович, и не было никого.

Василий Львович. Как – нету? Как – не было никого? Так вы же, вы-то здесь, Арина Родионовна!

Арина Родионовна. Так мы кто, мы люди, батюшка Василий Львович...

Василий Львович (перебивая). Мне и надо людей, мне и надобно вас, дорогая наша Арина Родионовна. (Целует ее в голову.) Вы старшая муза России – вот вы кто!

Арина Родионовна. Не чую, батюшка, не чую!

Василий Львович. А где Сашка? Он здесь где-то... Я думал, он при тебе!

Арина Родионовна. Нету, батюшка, нету; должно, в горницах шалит, где ж еще. Сама жду его – не дождуся, в кои-то веки из Личья своего показался, и то нету.

Василий Львович. Сбежал, подлец!

Арина Родионовна. Ан явится. Он до нас памятливей.

Василий Львович. Матушка, Арина Родионовна, вы бы его выпороли, – ведь есть за что!

Арина Родионовна. Знаю, батюшка, знаю, да не смею.

Василий Львович. Как так – не смеете! Штанишки прочь – и хворостиной его, хворостиной, чтобы визжал, подлец этакий! Ведь вы ему больше матери – вы его выходили, вы сердце в него свое положили...

Арина Родионовна. А то как же, батюшка, а то как же: без того младенец человеком не станет!

Василий Львович. Ну и попарывайте, попарывайте его – зимой хворостиной, а летом крапивой...

Арина Родионовна. Не с руки, батюшка: ему-то больно, а мне вдвое.

Василий Львович. Вдвое, говоришь! *(Открывает резким движением книгу, что принес под мышкой, читает.)*

Но кто там мчится в колеснице
На резвой двойце порой?

Слышала, матушка, какие стихи ныне пишут, а? Двойца! Ах, мерзавец!.. Это пару лошадей он так пишет, когда одна лошадь вдвое бывает. Это все князь Шихматов, шут полосатый. Это что же такое, матушка моя? Отвечай мне, я жалуясь тебе? Это библический содом и желтый дом!.. *(Василий Львович с яростью швыряет книгу в горящую печь.)* Вон отсюда! – здесь Пушкины живут!

Арина Родионовна. Дело ваше, а нам ни к чему.

Василий Львович *(с остаточной яростью).* Как так вам ни к чему? А что же вам к чему? Ах, рабство жалкое!..

Арина Родионовна. А ты не шуми, батюшка... Что ты бросил – и нам ни к чему. А что нам впрок, то мы из огня возьмем и с земли подыдем. *(Она меняется в лице и что-то невнятно шепчет или напевает.)*

Василий Львович. Громче, матушка, – во всеуслышание!

Арина Родионовна *(напевая внятно и задушевно).*

Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.
Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня.
Услышит он упрек жестокий.
Прости, прости тогда меня...

Из-за русской печи появляются Даша и Машиа; Машиа переоделась в сухую одежду; обе они молча, несколько испуганно наблюдают из отдаления за действием.

Даша *(вдруг; громко, продолжая стихотворение).*

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца...

(И сразу смолкает, смутившись.)

Василий Львович *глядит на всех, потрясенный и радостный.*

Василий Львович. Ах, прелесть! Сашка, что ль?

Арина Родионовна. Да то кто же!

Василий Львович. Как – да кто же! И я бы так мог сочинить!

Арина Родионовна. Ну нету, батюшка, не обижайся на старуху: дар Божий у Саши одного, у Александра Сергеевича.

Василий Львович. Ишь ты, какова! Да ты знаешь, я ему и по таланту дядя старшой! Что Сашка без дяди своего!

Арина Родионовна. Бог вам судья.

Василий Львович. То-то.

Арина Родионовна. А я Богу подсказчица.

Василий Львович (*рассмеявшись*). Ах, сердита, ах, умна ты, матушка, Арина Родионовна! Знать, все музы тебе внучки! Только не ровня они своей бабушке, нет – не ровня! Я изумляюсь!

Арина Родионовна. Это кто ж музы, батюшка: ангелы, что ли?

Василий Львович. Да нет, матушка, какие ангелы: это девки такие! (*Замечает Дашу и Машу.*) Вон такие, какие они, только похуже, пожалуй! (*Подходит к Даше и Маше, гладит их по голове, одну и другую.*) Эти-то добрые, они славные, – вот тебе где ангелы, они на кухне! (*Даша и Маша ухмыляются.*)

Арина Родионовна. А те, видать, зловредные.

Василий Львович. Ого! Те мошенницы, матушка, те мошенницы.

Арина Родионовна. На небе живут?

Василий Львович. А где же? Там, конечно.

Арина Родионовна. Избаловались! На земле-то труднее.

Василий Львович. И верно, и верно! Вот я живу на земле – и я страдаю.

Арина Родионовна. Чего ж так? Душа, что ль, болит по ком?

Василий Львович. Нету, матушка, нету: устеров не ем, гадов морских! А привык!

Арина Родионовна. А ты ешь их! Ешь, гадов-то!

Василий Львович. Англичанка не велит, от суши нас отрезала. В Европе пожары, на Везувии огнедышащее извержение, в журналах пишут, как готовить сушеные щи для солдат, – мне скучно, матушка!

Арина Родионовна. Скучай, батюшка!

Василий Львович. Зачем же, матушка, – зачем мне скучать?

Арина Родионовна. Чтобы жить, батюшка.

Василий Львович. Эх, старая, сказала. Чего скучать, пойду танцевать.

Арина Родионовна. Воля ваша.

Василий Львович. А ваша? А ваша где воля?

Арина Родионовна. У вас, батюшка. Воля-то одна.

Василий Львович (*задумывается, целует старуху в голову*). Правда твоя. Спасибо тебе, – да и мы-то рабы.

Арина Родионовна. А кто же? И вы тоже – при рабах и господин раб.

Василий Львович. Ах, прелесть!.. Ведь это же справедливо! А где, однако ж, Сашка? Явится к тебе – пошли его ко мне! Он мне надобен.

Арина Родионовна. Скажу, чего же.

Василий Львович (*к Маше*). Ты чего – глаза в слезах, а сама смеешься?

Даша. Она сдуру так-то.

Маша. Я не сдуру, я от радости.

Василий Львович. А чему ты рада? Чему, красавица моя?

Маша (*бормочет, как сама не своя*). В печи огонь горит, от огня цветы растут, на дворе мороз, на небе звезды, а в избе люди добрые...

Арина Родионовна. Ишь, умница.

Василий Львович. Превосходно! В доме, где Пушкины, всякий сверчок поэт.

Маша. А таракан?

Василий Львович. И таракан, и блоха, и клоп, и муха, и птицы, и звери, и собаки, и кошки...

Маша. И я, и ты!

Василий Львович. И ты, и я... Ну, улыбнись мне еще раз... Ах ты, природа милая! Существовай!

Даша (*Маше*). Ощерься!

Маша улыбается и в застенчивости закрывает лицо руками. Василий Львович, напевая, удаляется в господские горницы.

Из горниц слышится музыка.

Маша. И я хочу туда!

Арина Родионовна. Куда тебе?

Маша (*указывая на дверь, куда ушел Василий Львович*). Туда! Там хорошо!

Арина Родионовна. Опомнись! Там гости; у матушки-то Ольги Сергеевны нынче именины, ангела ее поминают.

Маша. И у меня нынче именины! И я ангел!

Даша. Гляди-ко, и у нее именины, и она ангел! (*Смеется.*)

Маша (*смеется, подобно Даше, без всякой обиды*). И у меня именины, и у меня ангел есть.

Даша. Бабушка, а у нас будут именины?

Арина Родионовна. Будут, будут – чего нет? И у нас будут. Когда-нибудь будут...

Даша. А у нас разве тоже ангелы есть?

Арина Родионовна. А то как же! И у нас есть.

Даша. А где ж они?

Маша (*указывая себе на грудь*). А тут!

Даша. Бабушка! А что они делают?

Арина Родионовна. Да что прикажут. Они послушные.

Входит лакей с большим лопухим унылым псом датской породы.

Лакей (*на пса*). Они скучают там!

Арина Родионовна. Эко горе-то!

Лакей. Они нездешние, они из датской державы. Их хозяин – посол короля.

Арина Родионовна. Ишь ты, – знать, и кобель – барин.

Лакей. А как же! Они скучают, у них слезы в глазах, – такая в них сущность. Иностранцы!

Арина Родионовна. А ты кнутом его...

Лакей. Ошалела, матушка! Они при своем барине, а барин их при короле. Стало быть, сей пес-то – третье существо от самого короля. Близко, стало быть! Велено, чтоб они веселыми были. Приказано, чтоб Машка занималась им и забавляла его, покуда они не ухмыльнутся аль не погавкают довольным голосом... Машка, прими скотину!

Маша. Бабушка!..

Арина Родионовна. Господская воля, Машенька...

Маша. А я нынче именинница!

Арина Родионовна. Аль ты барыня, что ль?

Маша. А я... а я... бабушка, а у меня тоже ангел есть, а пес нечистый!

Лакей. Щекочи, щекочи его! Видишь, они скучные...

Арина Родионовна. Стерпи, Машенька...

Маша занимается с собакой: щекочет ее за ухом, утирает ладонью влажные собачьи глаза, тормошит ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.